

Т. Х. Андерсен

О ТОМ, КАК БУРЯ ПЕРЕВЕСИЛА ВЫВЕСКИ

Г.Х. АНДЕРСЕН

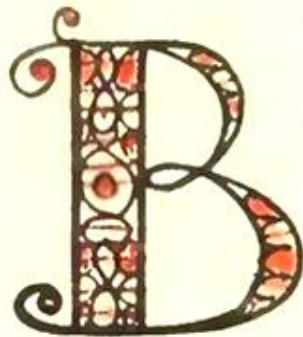
С том, как буря перевесила вывески

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“ · МОСКВА, 1973 г.

Рисунки
А. Кокорина

СТАРИНУ, когда дедушка был ещё совсем маленьким мальчиком и разгуливал в красных штанишках, красной курточке с кушаком и шапочке с пером, — а надо вам сказать, что тогда детей именно так и одевали, когда хотели их нарядить, — так вот в те далёкие, далёкие времена всё было совершенно иначе, чем теперь.

Ведь какие, бывало, торжества устраивались на улицах! Нам с вами таких уже не видать: их давным-давно упразднили, так как они, видите ли, вышли из моды. Но до чего ж занятно теперь послушать дедушкины рассказы об этом — вы и представить себе не можете.

Что это было за великолепие, когда, скажем, сапожники меняли помещение цеха и переносили на новое место цеховую вывеску. Во главе процессии величественно колыхалось шёлковое знамя с изображением большого сапога и двуглавого орла. Младшие подмастерья торжественно несли задравный кубок и большой ларец, а на рукавах у них развевались по ветру красные и белые ленты. Старшие подмастерья держали в руках обнажённые шпаги с насаженными на

острия лимонами. Музыка гремела так, что небо сотрясалось, и самым замечательным инструментом в оркестре была „птица“ — так называл дедушка длинный шест, увенчанный полумесяцем и обвешанный всевозможными колокольчиками и бубенчиками, — настоящая турецкая музыка! Шест поднимали и раскачивали из стороны в сторону, колокольчики звенели и бренчали, а в глазах просто рябило от золота, серебра и меди, сверкавших на солнце.

Впереди всех бежал арлекин в костюме из разноцветных лоскутков: лицо у него было вымазано сажей, а колпак украшен бубенчиками — ни дать ни взять лошадь, запряжённая в сани! Он размахивал палкой направо и налево, но это была палка-хлопушка: она только громко хлопала и пугала людей, а вреда от этого никому не было. Люди толпились и толкались, стараясь протиснуться, один — вперёд, другие — назад; мальчишки и девчонки спотыкались и летели прямо в канаву, а пожилые кумушки отчаянно работали локтями, сердито озирались по сторонам и бранились. Всюду слышались говор и смех. Люди стояли на лестницах, высовывались из окон, а иные даже забирались на крышу. На небе ярко светило солнышко. Правда, случалось, что на процессию попрыскает небольшой дождик, но ведь дождь крестьянину не помеха: пусть

хоть весь город насквозь промокнет, зато урожай будет богаче!

До чего хорошо рассказывал наш дедушка, просто заслушаешься. Ведь ещё маленьким мальчиком он сам всё это видел своими глазами. Старший цеховой подмастерье всегда залезал на помост, построенный под самой вывеской, и говорил речь — да не как-нибудь, а в стихах, словно по вдохновению. Впрочем, тут и вправду не обходилось без вдохновения: ведь речь он сочинял вместе с двумя друзьями, и работу они начинали с того, что осушали целую миску пунша, — для пользы дела, конечно. Народ встречал эту речь криками „ура“. Но ещё громче кричали „ура“ арлекину, когда он тоже вылезал на помост и передразнивал оратора. Все хохотали до упаду, а он попивал себе мёд из водочных рюмок и бросал рюмки в толпу, и люди ловили их на лету. У дедушки была такая рюмочка: её поймал какой-то штукатур и подарил ему на память. Да, вот это было веселье так веселье! А вывеска, вся в цветах и зелени, красовалась на новом месте.

„Такого праздника не забудешь, хоть до ста лет живи,“ — говорил дедушка. Да он и вправду ничего не забыл, хотя каких только не перевидал празднеств и торжеств на своём веку. Много кое-чего мог он

порассказать, но забавнее всего рассказывал о том, как в одном большом городе переносили вывески.

Дедушка был ещё совсем маленьким, когда приехал с родителями в этот город, самый большой в стране. На улицах было полным-полно народа, и дедушка даже подумал, что здесь тоже будут торжественно переносить вывески, которых, к слову сказать, здесь оказалось великое множество, — сотни комнат можно было бы заполнить этими картинками, если бы их вешали не снаружи, а внутри дома. На вывеске портного было изображено разное платье, и если бы он захотел, то мог перекрыть даже самого неказистого человека в самого красивого. А на вывеске торговца табаком — хорошенькие мальчики с сигарами в зубах, эдакие озорники! Были тут вывески с маслом и селёдками, были вывески с пасторскими воротниками и гробами, а сколько всюду висело объявлений и афиш — видимо-невидимо! Ходи себе целый день взад и вперёд по улицам да любуйся сколько душе угодно на эти картинки; заодно узнаешь, и что за люди живут на улице, — ведь они сами вывесили свои вывески.

— К тому же, — говорил дедушка, — когда ты попал в большой город, и полезно и поучительно знать, что кроется за толстыми каменными стенами домов.

И надо же было, чтобы вся эта кутерьма

MODEN

HOTEL

ONSEN

VIN

с вывесками приключилась как раз в тот день, когда в город приехал дедушка. Он сам рассказывал об этом, и очень складно, хоть мама и уверяла, что он морочит мне голову. Нет, на этот раз дедушка говорил всерьёз.

В первую же ночь, когда он приехал в город, здесь разыгралась страшная буря, до того страшная, что такой ни в газетах никогда не описывали, ни старожилы не помнили. Ветер срывал черепицу с крыш, трещали и валялись старые заборы, а одна тачка вдруг взяла да и покатила по улице, чтобы убежать от бури. А буря бушевала всё сильнее и сильнее, ветер дико завывал, ревел и стучал в ставни, стены и крыши. Вода в каналах вышла из берегов и теперь просто не знала, куда ей деваться. Буря неслась над городом, ломала и уносила трубы. А сколько старых высокомерных церковных шпилей согнулось в эту ночь — просто не сосчитать! И они так никогда и не выпрямились.

Перед домом почтенного брандмайора, который прибывал на пожар, когда от строения оставались только головешки, стояла караульная будка, — так вот, буря почему-то захотела лишить его этого скромного

символа пожарной доблести и, опрокинув будку, с грохотом покатила её по улице. Как ни странно, будка остановилась перед домом бедного плотника — того самого, который во время последнего пожара вынес из огня трёх человек, да так и осталась там стоять, — но, конечно, без всякого умысла.

Вывеску цирюльника — большой медный таз — ветер забросил на подоконник дома советника юстиции. Вот это было сделано уж явно не без умысла, поговаривали соседи, ибо все-все, даже самые близкие приятельницы его жены, называли госпожу советницу „бритвой“. Она была такая умная, такая умная, что знала о людях куда больше, чем они сами о себе знали.

А вывеска с нарисованной на ней вяленой треской перелетела на дверь редактора одной газеты. Подумать только, какая нелепость! Буря, как видно, забыла, что с журналистом шутки плохи: ведь в своей газете он сам себе голова, и никакой закон ему не писан.

Флюгерный петух перелетел на крышу соседнего дома, да там и остался, — с таким-то злым умыслом, конечно, говорили соседи. Бочка бондаря очутилась под вывеской „Дамские моды“. Меню, висевшее у входа в кухмистерскую, ветер перенёс к подъезду театра, в который редко кто заходил. Ничего себе, забавная

получилась афиша: „Суп из хрена и фаршированная капуста“. Публика валом повалила в театр.

Лисья шкурка с вывески скорняка повисла на шнурке колокольчика у дверей одного молодого человека, который исправно ходил в церковь, вёл себя тише воды ниже травы, стремился к истине и всем служил „примером“, по словам его тётки.

Доска с надписью „Высшее учебное заведение“ оказалась на бильярдном клубе, а на этом заведении появилась вывеска детского врача: „Здесь дети приучаются к бутылочке“. И вовсе это было не остроумно, а просто невежливо! Но уж если буря захочет что-нибудь натворить, то натворит непременно, и ничего ты с ней не поделаешь.

Да, ну и выдалась же ночка! Наутро — только подумайте! — все вывески в городе поменялись местами, а кое-где получилось такое безобразие, что дедушка, уж как ни хотелось ему рассказать об этом, только помалкивал да посмеивался про себя, — я это сразу заметил, — а значит, на этот раз у него уж что-нибудь да было на уме.

Каково же было жителям этого города, а особенно приезжим! Они совершенно сбились с толку и ходили как потерянные. Да иначе и быть не могло: ведь они привыкли искать дорогу по вывескам! Например,

кто-нибудь хотел попасть на заседание деятелей, обсуждающих важнейшие государственные вопросы, а попал в школу к мальчишкам, которые изо всех сил старались перекричать друг друга и только что не ходили на головах.

А были и такие, что из-за вывески вместо церкви попадали — о ужас! — в театр.

Теперь подобных бурь больше не бывает: такую только дедушке довелось повидать, и то, когда он был ещё мальчишкой. Да и вряд ли такая буря повторится при нас; разве что при наших внуках. А мы дадим им благой совет: „Пока буря перевешивает вывески, сидите-ка лучше дома“.

Для младшего школьного возраста
Ганс-Христиан Андерсен
О ТОМ, КАК БУРЯ ПЕРЕВЕСИЛА ВЫВЕСКИ
Художник А. Конорин

Редактор Т. Мосова. Художественный редактор Г. Колтулова. Технический редактор Т. Шепталева. Корректоры С. Бланкштейн и М. Пьянкова. Сделано в производстве 8/ХII-71 г. Подписано в печать 19/У-72 г. Бумате офс. № 1. Формат 60×90/8. Печ. л. 2. Уч.-изд. л. 2,6. Тираж 300 000 (100 000 целлоф. обл. — цена 46 коп., 200 000 лат. обл. — цена 22 коп.). Изд. № 2290. Заказ № 412. Издательство «Малыш» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, К-55, Бульварный вал, 68. Калининский полиграфкомбинат детской литературы Росглаволиграфоформе Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

МАДОУ детский сад № 2 г. Ивделя